

**Концептуальная основа системы идей и мотивов
романа Г. Владимова «Генерал и его армия»**

О.С. Сухих

В сб.: Грехневские чтения. Сборн. научных трудов. Вып. 5. – Н. Новгород: Изд. Ю.А. Николаев, 2008. С. 142 – 151.

Роман Владимова был опубликован в 1994 г. и с тех пор является предметом ожесточенных споров. Из весьма сурового разбора романа В. Богомоловым [Богомол, 9.05.95] ясно, что роман изобилует бесчисленными «ляпами» в конкретике изображения войны, т.к. автор не воевал и, как говорится, «пороху не нюхал». Ответ Владимова Богомолу этих замечаний отнюдь не опровергает, потому что опровергнуть их невозможно, и защищает в основном содержащиеся в романе типично «диссидентские» штампы, «обновляющие» традиционный взгляд на событие войны. [Владимов, 19.03. 96]. Н.Эйдельман [Эйдельман, 1, 176], по существу признавая в этой части критику Богомолова, предлагает рассматривать роман как очередную авторскую «мифологию» о войне, написанную в реалистическом стиле. «Упреки Богомолова автору романа “Генерал и его армия” в том, что он создал “новую мифологию”, на самом деле никакой обвинительной силы не имеют, – пишет он.– Всякий художник, романтик или модернист или даже самый правоверный реалист именно свою “новую мифологию” и создает. И если он пишет об исторических событиях, он творит свою художественную мифологию истории. И судить писателя надо по правилам той мифологии, которую он воплотил в своем произведении. То есть нам важно понять, насколько миф, созданный Владимовым, художественно убедителен — внутренне мотивирован, оправдан психологически, сюжетно, эмоционально, и в итоге — какова эстетическая семантика того образа мира, который возникает на почве текста романа “Генерал и его армия”. Можно сказать: художественный миф Г. Владимова, его модель Отечественной войны, созданная в романе “Генерал и его армия”,

служит эстетическому постижению целого комплекса сложнейших историко-философских и психологических проблем, и прежде всего — связи между философией истории и моралью, исторической практикой и психологией человека и целого общества» [Эйдельман, с. 178].

Прежде чем судить о владимовский «новой мифологии» о войне, нужно сделать два замечания, уточняющих тезисы Н.Эйдельмана.

Во-первых, вопрос о реализме. В свое время А.Твардовский не принял роман В.Гроссмана «Жизнь и судьба», а в дневнике назвал его художественно слабым, особенно «в части топора и лопаты», т.е. изображения жизненной и бытовой конкретики войны. Следуя за Н.Эйдельманом, можно игнорировать критику Богомолова и других в адрес концепции романа, но невозможно отвести его упреков в многочисленных «ляпах» при изображении войны, её быта, конкретных сюжетных ситуаций, абсолютно невозможных на войне и т.д. А следовательно, «реализм» романа Владимова ограничен принципом соответствия характеров рисуемым обстоятельствам и принципом изображения жизни «в формах самой жизни», что же касается исторической достоверности и верности деталей, то этими весьма существенными признаками подлинного реализма роман отнюдь не блещет. Писательские интерпретации событий допустимы в литературе, особенно если она понимается как субъективная художественная мифология или как игра. Но вот вопрос: насколько уместен беспредельный плюрализм в интерпретации события, когда речь идет о Великой Отечественной войне, вошедшей как «бой святой и правый» (А. Твардовский) не только в историческую, но и в генетическую память народа. Тут все же уместнее реализм полный, включающий такие качества, как историческая достоверность и правдивость деталей, и тогда возможно достижение глубокой художественной объективности изображения (как в «Тихом Доне» Шолохова, где полным-полно и черного, и белого при изображении обоих воюющих лагерей).

Во-вторых, о концепции произведения. Конечно, роман Владимова – это субъективный взгляд на события войны, в котором немало «диссидентско-эмигрантских» мифологических штампов (немцы воевали лучше нас, Власов – трагическая фигура, а власовцы – жертвы и советской власти, и неумелого командования, немецкий генералитет и профессионально, и морально превосходит карикатурно показанных советских генералов, обыкновенные «смершевцы» в ранге майоров и капитанов имели в армии власть, чуть ли не превосходящую власть высших военачальников и т.п.). Концепция романа сложна и противоречива, содержит в себе многие мотивы, в том числе нетрадиционные, и вопрос заключается в том, какие из них «перевешивают» другие, являются главными и образуют его настоящую основу. С этой точки зрения мы и попробуем определить концептуальную идею романа Владимова, не забывая при этом ни об «авторской мифологии», ни о том, что поклонники «чернухи» называют «настоящей правдой» о войне.

Прославил ли автор Гудериана и Власова или осудил, показал ли он народ как творца победы или как жертву советской власти, победили мы в войне или проиграли и почему, был ли на войне окончательно подавлен «дух свободы» или, наоборот, война пробудила этот дух, явившийся её важнейшим результатом и определившим все дальнейшее развитие страны¹, патриотической или антипатриотической является его основная идея – эти и другие вопросы концептуального характера пока не решены критикой, восхвалившей роман Владимова, либо, подобно В.Богомолову, сурово осудившей его.

На все эти аспекты «Генерала и его армии» имеет смысл смотреть сквозь призму той ключевой проблемы, которая является для романа Владимова поистине смыслообразующим началом. Пожалуй, это как раз тот вопрос, который задает себе в романе Гудериан, анализируя ход войны: «Что же это за страна, где, двигаясь от победы к победе, приходишь неукосно – к поражению?» Речь в данном случае идет о победах и пора-

жениях немецкой армии, но сам вопрос двусмыслен: и автором, и многими критиками, и публицистами, и политологами этот вопрос Гудериана относится чаще и прежде всего к победам и поражениям Советского Союза, доходя порой до смердяковской остроты в постановке проблемы: «Лучше было бы, если бы умная нация победила бы глупую-с»...

Однако в конечном счете это вопрос о причинах, истоках победы нашей страны в Великой Отечественной войне, независимо от того, «правильной» или «неправильной» в глазах отдельных писателей, критиков и читателей она является. Действительно, после описания одиозной деятельности НКВД и СМЕРШа, после изображения совета генералов, из которых ни один, исключая Кобрисова, не желает думать о судьбах солдат², неизбежно возникает вопрос о том, почему же люди, страдающие от бездушия и жестокости власти, всё же защищают своё государство.

В романе есть достаточно четкий ответ на этот вопрос. Он содержится в рассуждениях Гудериана о Гитлере и его приспешниках: «Они не слышали слов кремлевского тирана, сказанных на 11-й день тому самому народу, над которым он всласть наиздевался. А ведь, очухавшись, этот азиат сказал самое простое, гениальное, безотказное: «Братья и сёстры!»... Но и месяцы спустя Гитлер не заметил этой перемены флага – его разгневал наглый ноябрьский парад на Красной площади, но того, что он обязан был предугадать, он опять не расслышал, не внял речи, после которой ему противостояла уже не Совдепия с её усилением и усилением классовой борьбы, противостояла – Россия». Дело даже не в том, что именно Сталин произнёс такие слова. По сути, он лишь выразил то ощущение, которое уже сложилось в людях: они действительно почувствовали себя братьями и сестрами, перед лицом внешнего врага все социально-политические противоречия сгладились, ушли на второй план, война объединила бывших непримиримых противников, которые теперь защищали не Советскую власть, а Родину. Эту мысль Владимов выражает с помощью различных художественных средств, используя целую систему параллелей, реализо-

ванных автором в системе образов и в сюжетно-композиционной структуре романа. Присмотримся к его аргументации поближе.

1. В воспоминаниях Гудериана есть эпизод, касающийся танка Т-34, который поразил немцев своими боевыми возможностями. Пленный советский офицер, с которым Гудериан был знаком до войны, рассказывает ему, что Т-34 создавали заключенные, «узники-патриоты». Люди, которых власть предала и лишила всего, работали на благо страны. Кошкин, главный конструктор Т-34, «так волновался на испытаниях, что умер от разрыва сердца», и можно не сомневаться, что волновался он не из-за того, что его могли лишиться дополнительного пайка, полагавшегося ему за работу.

По сути, точно таким же «узником-патриотом» является и Кобрисов, который совсем недавно был арестован по сфабрикованному абсурдному обвинению, пережил страх, унижение, отчаяние, а теперь стоит под бомбежкой, выносит свой КП на передний край и разрабатывает безошибочные планы, воюя и защищая, кроме всего прочего, и тех, кто его собирался раздавить, уничтожить.

Кошкин, вероятно, не хотел бы объединяться со своими мучителями и работать на них, но это единственный путь к тому, чтобы сделать стоящее дело, важное для людей, которым Т-34, возможно, сохранит жизни. Кобрисову ненавистна сама мысль о том, что придется объединиться с такими, как Опрядкин, наглый палач из НКВД. В первые дни войны Кобрисова освобождают, и он спрашивает своего тюремщика: «Стало быть, гражданин следовательно, вместе будем теперь Отечество спасать?» Война вынуждает объединиться и с такими, как Опрядкин, которого Кобрисов раньше в мечтах хотел бы «повстречать одного на улице, затащить в подъезд...» Люди, подобные Кобрисову, оказываются на переднем крае, а подобные Опрядкину – в заградотрядах, но волей судьбы они по одну сторону линии фронта, они «братья» по общему для всех несчастью.

Ординарец генерала Кобрисова, солдат Шестериков, не был «узником-патриотом», но всё же и он пострадал от несправедливых действий

Советской власти. Во время коллективизации он был отнесен к подкулачникам и потерял очень многое. Его обида, душевная боль настолько велики, что ему даже не хочется возвращаться после войны в родные места, где у него всё было отнято. Если бы кто-то тогда сказал ему, что он объединится с теми, кто вершил это неправоё дело, то, вероятно, он не поверил бы. Но ведь именно таким человеком является Кобрисов. Когда-то он отстаивал Советскую власть, работая в продотрядах, разорявших крестьян, подавляя крестьянские восстания. Он из тех, кого Шестериков считал бы тогда врагами. А теперь они действуют заодно и становятся даже больше, чем «братьями по несчастью», – братьями в духовном смысле. У них общая цель – защита Родины. У них общий враг – гитлеровская армия. Есть у них и ещё один общий противник – майор Светлооков, который пытается настроить Шестерикова против генерала, рассказывая о его прошлом. Шестериков, чувствуя горькую правду в словах ненавистного смершевца, всё-таки говорит ему: «А вам-то какое до этого дело?» Он прощает Кобрисову его прошлое, потому что теперь их «общее сплотило».

Есть в романе и такой эпизод, в котором Кобрисову приходится прощать Шестерикова. Генерал решается вопреки приказу не ехать в Ставку, а вернуться к войскам. Он слышит по радио сообщение об успехе разработанной им операции, и его настроение круто меняется: от безудержной радости победы до горечи и слёз от жалости к погибшим. И вдруг ему приходит в голову, что Шестериков может доложить о его поведении: «И злые слова шли на язык: «Кому ж ты доложишь, как я себя вёл? Твой-то майор Светлооков – где он теперь?» В какой-то момент Кобрисов воспринимает Шестерикова как врага и предателя, хотя на самом деле Шестериков – единственный, кто не предал своего генерала. Но Кобрисов об этом не знает. И всё же, даже не зная этой правды, он готов простить Шестерикова, потому что обида его кажется ничтожной по сравнению с тем, что их объединяет, с «братством фронтовым»: «Можно ли было совсем забыть, как этот же самый человек, попавший в сети матерого закаленного «смер-

шевца; да неизвестно ещё, сколько в них запутавшийся, и неизвестно, что и как отвечавший при этих беседах, этот же человек в 41-м, тогда еще незнакомый, только что встреченный, ... от верной смерти спас...» И вот генерал уже жалеет о том, что завёл такой разговор, и называет Шестерикова братом: «Прости, брат...»

2. О чувстве единения россиян перед угрозой потери Родины говорят и воспоминания Гудериана. Бывший царский генерал, «которого он безуспешно звал в бургомистры Орла», который «двадцать лет трясся от страха, что его генеральство откроется», говорит Гудериану: «Теперь мы боремся за Россию, и в этом мы почти все едины». А священник, оплакивающий расстрелянных без всякого приговора заключенных (а ведь речь идет об Орловской тюрьме, в которой содержались не простые заключенные, а многие бывшие «пламенные революционеры», и были они именно по этой причине при подходе немцев спешно расстреляны; среди них, кстати, была видная эсерка Мария Спиридонова и немало ей подобных, в свое время громивших церкви и расстреливавших священников), говорит Гудериану: «Это наша боль... Но вы не можете врачевать, и боль от касаний ваших только усиливается...» Царский генерал и священник, представители «старого мира», объединяются не с Гудерианом, а со своими бывшими врагами – защитниками «нового мира», потому что теперь они отстаивают нечто большее, чем социальную систему: они защищают «наше», т.е. национальную независимость страны. Гудериан приказал вынести на тюремный двор трупы заключенных и открыть ворота, чтобы еще раз подчеркнуть преступление Советской власти и обрести союзников в её жертвах. Священник же комментирует его поступок: «Каждый шаг человека есть ошибка, если не руководствуется он любовью и милосердием. И если будете честны перед собою, господин генерал, то признаете...».

Как своеобразную параллель к этому разговору можно рассматривать диалог Светлоокова с Шестериковым, которому майор указывает на прошлое Кобрисова, доказывая, что тот враг крестьянину. Светлоокову

нужно перетянуть ординарца генерала на свою сторону, и уж, конечно, руководствуется он не любовью и милосердием к крестьянам. Шестериков отвечает смершевцу, что все политические противоречия, существующие между генералом и ординарцем, – это не его дело. По сути, так же отвечает и священник Гудериану. Если Шестериков из-за обиды на генерала, когда-то раскулачивавшего крестьян, объединится со Светлооковым – вот это будет предательством. Если представители «старого мира», такие, как царский генерал или священник, из-за обиды на советскую власть объединятся с гитлеровцами, – это будет власовщина, тоже форма предательства.

3. В связи с этим нельзя не рассмотреть вопрос о власовском пути, который в романе ставится достаточно остро и решается неоднозначно. На политическую судьбу и карьеру Кобрисова большое влияние оказывает военная операция под небольшим городком Мырятином. Кобрисов разработал план его взятия, но не хочет осуществлять его по двум причинам. Официальная версия, выдвигаемая им на совете генералов, такова: можно не тратить силы на Мырятин: его немцы всё равно оставят после взятия Предславля. Но за этим стоит еще и другая причина, объяснить которую официально Кобрисов не может: Мырятин обороняют не столько немцы, сколько власовцы... Ему не хочется быть палачом соотечественников. И после победы в Мырятине ему жаль, что «русская кровь пролилась с обеих сторон и неизбежна неумолимая расправа – над теми, чья вина была, что им причинили непоправимое зло... И они этого не вытерпели». Владимов не добавляет слов о том, что они предали страну и перешли на сторону её врага, т.е. не говорит всей правды, акцентируя внимание только на одной её стороне. На первый взгляд нет сомнений, что Кобрисов, да и автор оправдывают власовцев. Но вот незадолго перед этим Кобрисов рассуждает (а автор передает его размышления при помощи несобственно-прямой речи), что Шестериков его «от верной смерти спас, а могло быть, и от плена, от участи того же Власова». Откуда эта синтаксическая конструкция, построенная по принципу градации? Видимо, для героя романа плен и участь

Власова более страшны, чем смерть. Почему? На этот вопрос автор вольно или невольно дает ответ дальнейшими рассуждениями Кобрисова о власовцах (снова в форме несобственно-прямой речи, которая подчеркивает слияние, сближение позиций героя и автора): «У каждого была своя причина, но то общее, что сплотило их, заставило надеть вражеский мундир и поднять оружие против своих – к тому же и неповинных, потому что истинные их обидчики не имели обыкновения ходить в штыковые атаки, это общее не простится одинаково никому, даже не будет услышано». Исходя из этого, отношение героя и автора к власовскому выбору можно сформулировать так: нельзя отрицать, что были причины для противостояния Советской власти, но точно так же нельзя отрицать, что путь, способ этого противостояния оказался ошибочным, тупиковым и даже преступным.

В «Войне и мире» Л.Толстого эпизод богучаровского бунта является своеобразным «доказательством от противного» той идеи, что социальные противоречия должны отступить на второй план в эпоху национально-освободительной войны. Пытаясь противостоять дворянству, крестьяне только играют на руку внешнему врагу. Аналогичная идея есть и в романе Владимова.

4. Обе Отечественные войны были проявлением того «героического состояния мира» (Гегель), в котором каждый получает возможность свободного выбора и действует свободно, по велению сердца, и всегда оказывается неправым тот, кто руководствуется личными или групповыми, а не общенациональными мотивами. Именно поэтому бывший царский генерал или орловский священник (и эмигрантка княжна Вика Оболенская, и советский политрук Муса Джалиль, обезглавленные в Моабитской тюрьме Берлина) объявляют свою войну Германии, как в толстовском романе Наташа Ростова, отдающая подводы раненым, объявляет свою войну Наполеону. Такие вещи не делаются по приказу, для них находятся более сильные мотивы в человеческих душах. «Потому и пришла победа, что на борьбу с немцем поднялся весь народ: раскулаченные и бывшие заключенные, свя-

щенники и бывшие царские офицеры, рабочие и студенты» [Бондаренко, с.149]. И хотя Владимов отмечает на страницах романа, что генералы не жалеют солдатских жизней, но на тех же страницах он пишет о добровольном самопожертвовании русского человека. Гудериан, например, не торопится брать Тулу: «За Тулу, с её оружейными заводами, русские готовы были заплатить какими угодно жизнями». Читая Толстого и сравнивая две эпохи, немецкий генерал, тоже способный платить какими угодно жизнями своих солдат, когда считает это необходимым, у Владимова думает о русских солдатах, об «их спокойной жертвенной готовности расстаться с жизнью», о России, народ которой способен «безропотно – и без жалости – пожертвовать всем, не посчитаться ни с каким количеством жизней». Заметим, что речь идет не о генералах, а о самом народе. Не случайно и то, что подобные оценки вложены в уста Гудериана, если даже реальный Гейнц Гудериан вовсе не был таким объективным и благородным. Фигура этого генерала у Владимова достаточно условна: такой герой нужен автору, чтобы дать оценку русскому народу извне, «со стороны». А эта оценка еще раз подчеркивает, что солдат вовсе не является бессловесным и не понимающим, ради чего он воюет, существом, которое силой приказа гонят на смерть, как это показано в романе В.Астафьева «Прокляты и убиты», – у него есть собственные мотивы для борьбы и риска, для самопожертвования. Мотив рожденной войной свободы, свободы выбора и свободы действия для каждого, явственно звучит в романе Г.Владимова. Это тот мотив, который звучал еще в годы самой войны в стихах фронтовых поэтов:

«Мне в атаках не надобно слова «вперед!»»

Под каким бы нам ни бывать огнем,

У меня в глазах черный ладожский лед,

Ленинградские дети лежат на нем

А.Межиров

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,

Где смерть, как тень, тащилась по пятам,

Таковыми мы свободными бывали,

Такою мы свободою дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

О.Берггольц

С какой свободой я дружил –
Ты памяти не тронь!

С.Гудзенко

Господи, вступиися за Советы,
Сохрани страну от высших рас,
Потому что все твои заветы
Нарушает Гитлер чаще нас.

Н.Глазков

А в лучшей книге о войне, в «Теркине» А.Твардовского, где ни разу не упоминаются ни имя Сталина, ни партия, ни коммунизм, ни социализм, знаменитый приказ, постоянно повторяющийся в поэме, не содержит в себе и якобы обязательной формулы «За Сталина!».

Он звучит так:

«В бой! За Родину! Вперед!»

В «Теркине» вся философия войны выражена еще в одном рефрене:

Бой идет святой и правый,
Бой идет не ради славы,
Ради жизни на земле.

Всё это ответы из войны авторам «черной мифологии» о войне: В.Гроссману, который в «Жизни и судьбе» публицистически доказывал, что победа в Сталинграде, а стало быть, и победа в войне уничтожала свободу и закабалила народ в рабстве еще большем, чем до войны; и В.Астафьеву, эмоционально доказывавшему в «Проклятых и убитых», что смертный грех воевать за страну, которая после революции была брошена большевиками в «черную яму» атеизма.

Роман Г.Владимова при всей противоречивости его содержания, при том, что в нем есть явные мотивы диссидентской мифологии о войне, держится все же на мотивировке, которая ближе к традиционной концепции,

чем та «чернуха» о войне в литературе и кинематографе, которая упорно навязывается современному читателю и зрителю.

Литература и примечания

Аннинский Л.А. Удары шпагой: о Георгии Владимове: воспоминания, переписка // Знамя. №2 2004, с. 134-177.

Богомолов В. Срам имут и мертвые, и живые, и Россия // Книжное обозрение. 9 мая 1995.

Бондаренко В. Русский традиционалист Георгий Владимов // Бондаренко В. Реальная литература: Изд-во «Палея», – М., 1996. с. 146-154.

Владимов Г. Роман. Повесть. Рассказы. Пьеса. – Екатеринбург: Изд-во «Фактория», 1999.

Владимов Г. Когда я массировал компетенцию: Ответ В.Богомолову // Книжное обозрение, 19 марта 1996.

Владимов Г. Новое следствие, приговор старый // Знамя, 1995, № 8.

Возвращение к реализму: беседа с писателем Г.Н. Владимовым // Вопросы литературы, 2001, № 5. с. 222-248.

Кардин В. Страсти и пристрастия: к спорам о романе Владимова «Генерал и его армия» // Знамя, 1995, № 9, С. 199-210.

Лейдерман Н. Георгий Владимов и его генералы или Реализм сегодня // Урал, 2003, № 7.

Лейдерман Н. Трансформация реалистической стратегии: роман Г.Владимова «Генерал и его армия» // Н.Лейдерман, М.Липовецкий. Современная русская литература. 1950-1990-е гг. Т. 2: Изд-во «Academia», – М., 2003, с. 533-560.

Немзер А. Кому память кому слава, кому темная вода // Немзер А. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е.:Изд-во «НЛЮ», – М., с. 87-89.

Нехорошев М.М. Генерала играет свита: о романе Г.Владимова «Генерал и его армия» в контексте современной литературы о войне // Знамя, 1995, № 9, с. С. 211-219.

1. Как писал в заключительной главке «Доктора Живаго» Б.Пастернак, родившееся в войне «предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание» [Пастернак Б. «Доктор Живаго» // Новый мир, 1988, № 4, с.107]. Этот же мотив звучит в послевоенных повестях о войне В.Некрасова, В.Пановой, Э.Казакевича, в поэзии военных и всех послевоенных лет.

2. В этом, кстати, критикой принято противопоставлять советским генералам Гудериана как благородного рыцаря. Такое противопоставление не совсем верно. Когда Гудериан оказывается в жестких условиях, он тоже не жалеет своих солдат. Стоит вспомнить эпизод, в котором он вдохновенно убеждает армию продолжать борьбу, а потом думает: «Генерал, повелевая солдату умереть, по крайней мере не обманывает его. Но он трижды убийца, когда обещает победу, в которую сам не верит». Противопоставление – в том, что Гудериан может рефлексировать и осуждать себя, в то время как советские генералы (опять-таки исключая Кобрисова) у Владимова о «цене победы» и о моральности своих действий не задумываются.